

С несказанными словами я отошел от могилы. Но если и не сказал — эти мои написанные слова, они все равно, как и пронесшиеся во мгновение мысли, *там* слышны по-своему, я в это верю...

*

Три года — срок; пять — вечность. Все забывается. И это изглаживание, как вычеркивание из памятного свитка имен, удел и, видно, удача человеческого произрастания: или разорвалась бы душа, не только надорвалось бы сердце. Так оно бывает вообще, к тому оно и идет.

Но есть, и еще есть и, конечно, невольное наперекор этому вообще — вторжение в природное освященное благоразумие неуместного и резкого, нарушающего «порядок и ход вещей»: вдруг схватываешься о потерянном безвозвратно.

Такое чувство я испытываю и испытывал не раз за эти годы: нет Абрама Юрьевича!

У каждого из нас есть целый ряд мелочей и очень домашних — и это не вопросы жизни и смерти, но без этих будничных подробностей нет разнообразия и полноты жизни — цвета, наливающегося до звука, и звука, выкрашивающегося в цвет. Я не могу себе представить дня без чтения — без этих таинственных встреч в веках, я не могу не рисовать, не могу не отметить какого-нибудь слова, мысли и, конечно, сна — но ведь все это осуществимо при неперменном условии: я сижу дома. А по-другому — все перевернется, а уже про «сон» зря ждать. Должно быть, мне отпущено очень мало сил. Выгоняясь на люди, в приемные, я чуюю. Но кому, в сущности, до этих моих «капризов»? И когда я, как сейчас, раздумывая о своей несуразной жизни, говорю — и вот мой голос из ночи: «ведь я что-то могу и мог бы гораздо больше, но только оставьте мне мои „капризы“, я понимаю, все это не „по-человечески“, но таким я вышел в свет!!» И слышу, часы тикают. И вдруг схватываюсь: вот кто это понимал и понял бы сейчас меня — это Абрам Юрьевич.

Я продолжаю жизнь в «общем порядке». Как и все живущие по-человечески, выхожу на люди... И кто установил это подлинное и притом не караемое ни в каких законодательствах, смертоубийство: этот справедливейший жестокий «общий порядок»? Чтобы как-то все-таки быть на свете, для урыва, не больше, я покоряюсь. Но это мое согласие, и это мое молчание, и эта моя покорность — и что это все значит, без всяких объяснений понимал Абрам Юрьевич.

Мне его нельзя забыть и никакие сроки не изгладят моей горячей памяти и благодарной.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-228-232

© М. В. Рождественская

ИЗ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО КОММЕНТАРИЯ К ПОСЛЕДНЕМУ ГОДУ ЖИЗНИ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА

В семейном архиве поэта В. А. Рождественского сохранилось два письма к нему Игоря Северянина, датируемые июнем и июлем 1941 года, и одно письмо гражданской жены И. Северянина Веры Борисовны Коренди, написанное под его диктовку и датированное 1956 годом. Письма Северянина Рождественскому были отправлены в Ленинград из поселка Усть-Нарва в Эстонии, где поэт тогда жил. Одно из них с купюрами было опубликовано во вступительной статье Рождественского к сборнику стихотворений Северянина,¹ вышедшей уже после смерти ее автора. Полностью оно было опубли-

¹ *Северянин И.* Стихотворения / Вступ. статья Вс. Рождественского. Л., 1978. С. 36–37 (Библиотека поэта. Малая сер. 3-е изд.).

ковано вместе с предыдущим письмом Северянина в 1986 году.² Письмо В. Б. Коренди, которое дополняет эту переписку уже после смерти поэта, ранее не публиковалось.

Уехав в 1918 году из России в эмиграцию в Эстонию и оказавшись отрезанным от родины, Северянин не считал себя эмигрантом в полном смысле слова, о чем он не раз упоминал в письмах и в стихах: «Нет, я не беженец, и я не эмигрант / <...> Мне не в чем каяться, Россия, пред тобой: / Не предавал тебя ни мыслью, ни душой».³ Блистательный «Король Поэтов» 1918 года спустя двадцать с лишним лет снял с себя маску салонного поэта, которая так завораживала когда-то его читателей. Несмотря на то, что в Эстонии за время эмиграции были изданы семнадцать сборников его стихов и прозы, Северянин в конце жизни оказался не только в трудном материальном положении. Он страдал от физических недомоганий, но более всего — от отсутствия читательского внимания после головокружительного успеха в России. Рождественский в упомянутой вступительной статье к сборнику стихотворений писал: «С годами и самый характер его поэтики претерпел значительные изменения. Стихи этого последнего периода отличаются от того, что писалось раньше. Стихи стали естественнее, проще, реже встречались в них неоправданные словесные новшества <...> Доминантой его лирики становятся воспоминания о прошлом, что вполне естественно для человека, отторгнутого от родины и остро ощущающего свое литературное и общественное одиночество...». И далее: «Пишет Игорь Северянин теперь главным образом „для себя“, уже не рассчитывая на широкий публичный резонанс, да и тощие его сборники выходят мизерными тиражами и преимущественно в местных малозначительных издательствах. Лирика его носит свободный, почти импровизационный характер, что придает ей оттенок непосредственности».⁴

В 1940 году Эстония была присоединена к СССР, и у Северянина возникает надежда на возвращение в Россию. Об этом он сообщает Рождественскому, с которым не был лично знаком, но его творчество, тем не менее, высоко ценил. Заочное знакомство двух поэтов было связано с готовящейся еще до войны публикацией стихов Северянина в ленинградском альманахе, редактировавшемся Рождественским: «Весною 1941 года, — писал он, — издательство писателей в Ленинграде получило от него (Северянина. — М. Р.) несколько сонетов о русских композиторах, которые решено было поместить в одном из альманахов. Мне как редактору сборника выпало на долю известить об этом автора, а издательство одновременно перевело ему и гонорар. В ответ было получено взволнованное письмо, где поэт „со слезами на глазах“ благодарит за помощь в его крайне тяжелом материальном положении, а главное, за то, что его „еще помнят на родине“. Мне он прислал небольшой свой сборник „Адриатика“ (1932) с дарственной надписью — книгу, которой суждено было стать для него последней».⁵

Однако в силу роковых обстоятельств издание это не было осуществлено — Издательство писателей в Ленинграде, в котором должен был выйти альманах, сгорело в результате бомбежки города в начале Великой Отечественной войны. В связи с предполагаемой публикацией стихов Северянина Рождественский в целях «проходимости» в советском издании стихотворений эмигрантского, а потому, с официальной точки зрения, подозрительного поэта, редактировал два его стихотворения — «Чайковский» и «Красная страна». Стихотворение «Чайковский» ранее вошло в книгу Северянина «Медальоны»,⁶ посвященную композиторам Римскому-Корсакову, Бизе, Григу, Верди. Стихотворение же «Красная страна» было новым. О стремлении Северянина «вписаться» в литературную жизнь Советского Союза и тем самым обеспечить

² Письма Игоря Северянина // О Всеволоде Рождественском: Воспоминания. Письма. Документы / Сост. В. Б. Азаров, Н. В. Рождественская. Л., 1986. С. 126–128.

³ Северянин И. Наболевшее // Северянин И. Стихотворения. С. 432.

⁴ Там же. С. 30–33.

⁵ Там же. С. 35–36. Речь идет об издании: Северянин И. Адриатика. Лирика. Издание автора. Нарва, 1932. Сборник сохранился в семейном архиве Вс. Рождественского с дарственной надписью: «Последний экземпляр, случайно сохранившийся, поэту милому и светлому дарю: Всеволоду Рождественскому — Игорь Северянин. Усть-Нарова, 17.VI.41».

⁶ Северянин И. Медальоны. Белград, 1934.

себе возвращение на родину и возможность публиковаться в советских изданиях, о помощи ему в этом деле Г. А. Шенгели⁷ писали Е. Куранда и С. Гаркави.⁸ Авторы статьи комментируют редакторскую правку, произведенную Рождественским в стихотворении Северянина «Красная страна». Эта правка, по их замечанию, отражена в тексте данного стихотворения, хранящемся в архиве советского писателя С. А. Семёнова (1893–1942) в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: «И сам текст, и его редакторская правка, — пишут они, — редкий пример процесса работы над поэтическим текстом, направленной на углубление в нем риторического пафоса». Куранда и Гаркави считают правку Рождественского «редакторской неудачей», связанной с тем, что тот не только пытался убрать неприемлемую для советской печати религиозную окраску стихотворения, но и «не учел гендерную специфику „Красной страны“, создав из нее риторически-бессмысленного монстра — страну-воина».⁹ Стихотворение от редакции, может быть, потеряло, однако стоит уточнить, что образ «страна-воин» — это своеобразное клише, известное еще из древнерусских источников (гендерная персонификация народа или племени: «литва», «татарва», «мордва» и др. при описании нападения на Русь или войны), оно не было придумано Рождественским, а находилось в полном соответствии с советской милитаристской лексикой предвоенных лет. Правка Рождественским «Красной страны» прочитывается как раз в том идеологическом контексте, который описан исследователями, — это желание автора стать если не «своим» поэтом, то по возможности близким советской литературной жизни. Как видно из первого письма Северянина, редакторскую правку Рождественского он полностью принял и благодарил за нее.

Главная цель писем Северянина — это просьба о помощи вернуться в Ленинград и в Советский Союз. Они проливают дополнительный свет на последние месяцы жизни поэта, страдающего и физически, и морально вдали от России и от своего читателя. Причем из них видно, насколько поэт был действительно далек от суровой советской реальности конца 1930-х — начала 1940-х годов.

Первое письмо сохранилось без конверта, написано рукою В. Б. Коренди, так как писать самому Северянину было, скорее всего, физически трудно. Это ответ на письмо Рождественского как редактора, и потому тон письма еще вполне официален. «Что касается „Чайковского“, — пишет Северянин, — Вам, конечно, виднее, т. к. откровенно говоря, я, живя в глуши Эстонии, очень отстал за последние годы от Нового Сияния».¹⁰ Поправки, внесённые в „Красную страну“, *нахожу и для себя вполне приемлемыми, и благодарю за бережное и чуткое отношение к русскому языку* (курсив мой. — М. Р.).¹¹

Судьба письма Рождественского, на которое ответил Северянин, нам не известна.

Второе письмо, также без конверта и также написанное рукою Коренди, датировано 20 июля 1941 года.¹² Автор обращается к Рождественскому уже как к близкому человеку: «Светлый Всеволод Александрович!» Он страдает от тяжелой болезни, о чем пишет подробно: «...получив Ваше <...> правдивое и глубинное письмо, я буквально в те же дни жестоко разболелся, и болезнь сердца заставила меня лежать почти без движения бесчисленное количество дней». И далее: «Деньги давно кончились, достать, даже занять, — здесь негде. Продаем вещи за гроши...». Он умоляет Рождественского помочь ему выехать в Ленинград и достать машину для переезда, поскольку может передвигаться только лежа, даже попросить ее «у тов. Жданова», добавляя: «...он, как я слышал, отзывчивый и сердечный человек!» Северянин надеется на личное знакомство с Рождественским в Ленинграде, благодарит его за присланную «милую книжеч-

⁷ Георгий Аркадьевич Шенгели (1894–1956) в 1933–1941 годах был редактором отдела творчества народов СССР и секции «Западных классиков» Гослитиздата.

⁸ Куранда Е., Гаркави С. Стихотворения Игоря Северянина 1939–1941 годов: К вопросу текстологии и истории публикации // Toronto Slavic Quarterly. 2010. № 34 (Fall). С. 189–202. См.: http://sites.utoronto.ca/tsq/34/tsq34_kuranda_and_garkavi.pdf; дата обращения: 31.01.2021.

⁹ Там же. С. 197.

¹⁰ Видимо, Северянин так символически назвал Советскую Россию.

¹¹ Письма Игоря Северянина. С. 127.

¹² Северянин И. Стихотворения. С. 36–37.

ку» стихов и сообщает, что в ответ послал ему свою «Адриатику». Это письмо подписано самим Северяниным. Письмо душераздирающее по отчаянию и душевной боли. Рождественский, если бы только это было в его силах, постарался бы помочь больному поэту. Но Северянин, как видно из его письма, совсем не представлял себе обстановку, которая сложилась в Ленинграде и в его окрестностях летом 1941 года, в первые дни и недели войны. Не мог он знать и того, что Рождественский не обладал никакими официальными полномочиями, да и собственной машины у него никогда не было. Обратиться ему с этой просьбой «к тов. Жданову» было, конечно, нереально. Вскоре в июле 1941 года войска Вермахта вошли в советскую Эстонию, и помочь старому поэту при всем желании было уже невозможно. О какой его «милой книжечке», подаренной Северянину, идет речь в письме, не совсем ясно. Это мог быть один из поэтических сборников Рождественского, изданных до 1941 года, например, об «Избранных стихах» 1936 года или «Земном сердце» 1933 года.¹³ В конце июля сам Рождественский ушел в Народное ополчение, почти все военные годы в качестве военного корреспондента воевал на Ленинградском, Карельском, Волховском фронтах. И даже если бы Северянину удалось вернуться тогда в СССР, вряд ли судьба его сложилась так, как он предполагал. Власть наверняка не пощадила бы его.

Письмо В. Б. Коренди, написанное ею через 15 лет после смерти мужа, касается вопроса о переводах Северяниным эстонской поэзии.

В конце 1940-х и особенно в 1950-х годах по решению Отдела культуры ЦК КПСС и Союза писателей СССР начинается активная работа московских и ленинградских поэтов над переводами поэзии так называемых братских республик. Составляются обширные антологии украинской, белорусской поэзии, поэзии поэтов советской Прибалтики — литовской, латышской, эстонской, среднеазиатских и кавказских республик. Возобновляются прерванные войной литературные связи и поездки на места. В Москве в эти годы проходят декады национальных литератур. Эта работа входила в политическую программу создания советской культуры в рамках идеи «дружбы народов» с целью познакомить российского читателя с национальными литературами. И, что немаловажно, давала возможность материальной поддержки в трудные для личного творчества годы многим поэтам, в том числе и Рождественскому, чье искусство поэтического перевода высоко ценилось литературной общественностью.

На конверте письма Коренди написан адрес: «Ленинград, Литейный д. 33 кв. 40. Всеволоду Александровичу Рождественскому». Обратный адрес: «Вера Борисовна Коренди. ЭССР Таллинн Ярве. Ул. Ярве д. 50 кв. 9». На лицевой стороне конверта на штемпеле видны цифры 17, на оборотной стороне цифры 56, т. е. 1956 год. По этому адресу в Ленинграде на Литейном проспекте семья Вс. Рождественского жила до зимы 1949 года, когда переехала в дом на канале Грибоедова, 9, в так называемую писательскую надстройку, в бывшую квартиру В. А. Каверина.¹⁴ Коренди пишет Рождественскому, используя обращение к нему покойного мужа:

«Светлый Всеволод Александрович! Посылаю Вам после посещения Москвы по совету тов. А. П. Рябининой¹⁵ переводы Игоря Северянина эстонских поэтов. Глубоко верю, что Вы оцените их, как друг, ученик Северянина Г. А. Шенгели, с которым в Таллине восторгались его творчеством, посещая вечера его памяти... А я до сих пор храню Вашу маленькую книжечку стихов,¹⁶ посланную покойному мужу, с такой трогательной надписью „с надеждой видеть на берегах Невы“... Может быть, помните и меня? Мы познакомились с Вами у Г. А. Шенгели в отеле „Палас“ в 1946 году, в Таллине. Жду Вашего ответа. Может быть, послать Вам „Избранное“ Северянина.¹⁷ Это

¹³ *Рождественский Вс.* 1) Избр. стихи. Л.: Художественная литература, 1936; 2) *Земное сердце. Книга лирики. 1929–1932.* Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933.

¹⁴ О жителе этого дома см.: «Дом под крышей звездной...» Канал Грибоедова 9. Сб. / Авторы-сост. М. С. Инге-Вечтомова, А. Д. Семкин, Е. В. Сочивко. СПб., 2017.

¹⁵ Рябинина Александра Петровна (1897–1977) — заведующая Отделом литературы народов СССР Гослитиздата (Государственного литературного издательства).

¹⁶ См. прим. 13.

¹⁷ О каком именно издании идет речь, из письма неясно.

посоветовал мне Гослитиздат Москвы, с которым я почти уже в соглашении. Кроме того, у меня есть 6 книг „Колокола собора чувств“,¹⁸ а также портреты его. Всё это приобретено Гослитмузеем Москвы. Может быть, послать и Вам? Крепко жму Вашу руку и жду ответа. Уваж<ающая> Вас Вера Борисовна Коренди. ЭССР, Таллин ул. Ярве д. 50 кв. 9. 17-VI-56».

Итак, письма двух лично не встречавшихся поэтов, Северянина и Рождественского, дополняют сведения о нелегких бытовых условиях последних недель жизни бывшего «Короля Поэтов». Одновременно они дают представление о наивности и непонимании им серьезности надвигающейся эпохи. Из письма вдовы Северянина В. Б. Коренди видно ее стремление хотя бы посмертно исполнить желание мужа публиковаться на родине и включить его имя в современную советскую литературную жизнь, хотя бы в роли поэта-переводчика.

¹⁸ *Северянин И.* Колокола собора чувств: автобиографический роман в 3 частях. Тарту: Изд-во Вадим Бергман, 1925 (роман в стихах). В личной библиотеке Рождественского книга Северянина «Колокола собора чувств» не была обнаружена.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-232-240

© С. Н. Полтораки, © А. В. Зотова

ОНА СОЗДАЛА ДАНИИЛА ГРАНИНА

Мировая культура знает тысячи примеров, когда мужчины добиваются небывалых высот в различных сферах деятельности: в науке, политике, искусстве, литературе. При этом крайне редко обращается внимание на то обстоятельство, что своими успехами они часто обязаны женщинам — своим секретарям, советникам, соратникам, женам. Пример тому — многолетняя помощь писателю Д. А. Гранину в творчестве со стороны его жены Риммы Михайловны (Ревекки Менделевны) Майоровой.

К сожалению, литературы о ней практически нет, не считая редких упоминаний.¹ Биографические сведения о Р. М. Майоровой удалось обнаружить в Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО), поскольку в годы Великой Отечественной войны Римма Михайловна вместе с Кировским заводом была эвакуирована в г. Челябинск, где с января 1942 года трудилась в техническом отделе завода инженером-технологом по загрузке оборудования.² 31 января 1943 года заседание бюро Челябинского обкома ВЛКСМ приняло решение о назначении Майоровой секретарем Тракторозаводского райкома комсомола г. Челябинска.³ По существу, Римма Михайловна возглавила крупную комсомольскую организацию, костяк которой составляли члены ВЛКСМ, прибывшие в Челябинск из Ленинграда вместе с другими сотрудниками Кировского завода.

Из анкеты-биографии Майоровой, хранящейся в архивном фонде, известно, что она родилась в 1918 году в небольшом городке Велиже в Смоленской области. В 1933-м приехала в Ленинград и поступила в Инженерно-экономический институт. Окончив его в 1938 году, Римма Михайловна стала работать на прославленном Кировском заводе инженером в одном из механических цехов. В 1939-м она была избрана комсоргом механического цеха № 7, а спустя год, в сентябре 1940-го, вошла в состав комитета ВЛКСМ Кировского завода.⁴

¹ *Войтинская О. С.* Даниил Гранин: Очерк творчества. М., 1966.

² Личное дело Ревекки Менделевны Майоровой // Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. 485. Оп. 2. Д. 1469. Связка (коробка) 30. Л. 162.

³ Там же. Л. 159.

⁴ Там же. Л. 162.